

Глава 5. РЕАЛИЗАЦИЯ КВАЛИФИКАТИВНОГО ПРИЗНАКА В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Данная глава монографии посвящена описанию семи квалификативных признаков одушевленного носителя: внешний вид, физическое состояние, эмоциональное состояние, отношение носителя признака к окружающим, психологические особенности личности, интеллектуальные способности, количество носителей признака – в текстах французских и белорусских повестей и рассказов. Определена зависимость направленности характеристики от соотношения квалификативного признака непосредственно с носителем (или частью тела). В зависимости от потребности говорящего представить признак и его носителя как единое целое или указать на обоих языках признак оформляется определением (статический признак), предикативом или признаковым модификатором (динамический признак). Полученные результаты убедительно свидетельствуют о том, что универсальный характер семи выявленных признаков не исключает национальную специфику их реализации. Франкоязычные повести и рассказы имеют более выраженный признаковый (описательный) характер, в то время как для белорусскоязычных повестей и рассказов свойственно сообщение о действиях персонажей.

В процессе познавательной деятельности человек воспринимает окружающий мир сквозь призму собственного сознания, устанавливая объективные и субъективные отношения между признаками и их носителями. Традиционно выделяют процессуальный и квалификативный признаки носителя. Процессуальный признак выражает действие (*Marc jeta un coup d'œil à sa montre* 'Марк бросил взгляд на свои наручные часы'; *У гэты самы час на гарадскім паштамце Міхал размаўляў на тэлефоне з Аксанаю*). Квалификативный признак выражает качество носителя или его свойство (*Tu es méchant* 'Ты злой'; *Мішка – чалавек не злосны, не паганы*). Оформленное по законам данного языка соотношение носителя и его признака служит для формирования мысли и ее передачи адресату, поскольку важнейшей функцией языка является коммуникативная.

Минимальной коммуникативной единицей языка является предложение [Гак 2000]. Как и слово, предложение не имеет автора: это своего рода обобщенная модель, существующая в сознании всех носителей языка. Выражая мысль говорящего в конкретной ситуации общения, предложение функционирует как высказывание [Бахтин]. С одной стороны, высказывание, используемое одним или несколькими говорящими, в полной мере соответствует нормам грамматики языка. С другой стороны, « *L'énonciation est l'acte individuel de production, dans un contexte déterminé <...> c'est l'acte de création du sujet parlant* » 'Высказывание – это индивидуальный речевой акт, создаваемый в определенном контексте <...> это акт творчества говорящего

субъекта' (здесь и далее перевод наш. – Н. М.) [Dubois, p. 180]. С этих позиций в создании высказывания одновременно действуют система языка и творчество говорящего.

Стремясь сделать свои мысли понятными для адресата, говорящий использует наиболее адекватные ресурсы языка. Г. Гийом, высказываясь о порядке следования слов, отмечает: « On dispose d'un nombre déterminé de mots. Rangés dans un ordre, ces mots expriment une idée, mais il suffit de changer cet ordre pour qu'ils en expriment une autre, toute différente, ou bien qu'ils n'aient plus de signification globale. L'ordre apparaît comme un moyen "intelligent" d'employer le langage » 'Говорящий всякий раз использует ограниченное число слов. Будучи выстроенными в определенном порядке, они выражают некую мысль. Однако достаточно изменить этот порядок, чтобы те же слова выражали совсем другую мысль или вообще не выражали таковой. Порядок слов проявляет себя как «интеллектуальный» способ употребления языка в речи' [Guillaume, p. 54]. Именно «интеллектуальный» способ использования языка в речи говорящего преобразует нормативную (системную) грамматику в «грамматику говорящего», которая, имея динамический характер, регулирует выбор определенных языковых средств и моделей построения предложений для выражения той или иной мысли. Потребность говорящего донести до адресата свою интенцию превращает, таким образом, строгость системы языка в подвижность системы речи.

Исследование «интеллектуального» способа использования языка в речи находится в русле актуального направления современной лингвистики, сочетающего строгий лингвистический подход к анализу языкового материала с учетом широкого спектра коммуникативно-прагматических факторов. Как справедливо отмечает Н. Д. Арутюнова, «в речевом общении каждое высказывание воспринимается не само по себе, а как реплика, вмонтированная в прагматический комплекс» [Арутюнова, с. 360]. Адресат должен понять не только смысл отдельного высказывания, но и то, почему оно используется в конкретной коммуникативной ситуации. Другими словами, адресат должен правильно установить интенцию говорящего.

Простое высказывание репрезентирует либо процессуальную элементарную ситуацию, содержанием которой является действие, либо признаковую элементарную ситуацию, содержанием которой является признак носителя. *Объектом* настоящей главы монографии является квалификативный признак одушевленного носителя, формирующий в простом неосложненном предложении содержание элементарной признаковой ситуации.

Материалом исследования послужили 25 рассказов и повестей на французском и белорусском языках общим количеством 918 страниц. Методом сплошной выборки из художественных произведений отобраны 398 простых предложений, репрезентирующих элементарные признаковые ситуации: 252 предложения французского языка и 146 предложений белорусского языка. Отобранные для исследования примеры содержатся на практически одинаковом количестве страниц: проанализированы 488 страниц франкоязычных текстов и 430 страниц белорусскоязычных текстов.

Актуальность исследования вытекает из необходимости выявления экстралингвистических обстоятельств, которые обуславливают выбор способа представления квалификативного признака одушевленного носителя в простом неосложненном предложении.

Общеизвестно, что квалификативный признак (далее – признак) может соотноситься с носителем двумя способами (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, М. А. Кормилицына, А. А. Шахматов и др.). Первый способ заключается в том, что признак мыслится как характеристика, свойственная носителю по самой природе вещей (его интегральная вневременная характеристика). Неотделимость признака от носителя позволяет воспринимать и носителя, и его признак, как некоторое единство, целостность. Такой способ приписывания признака носителю получил название атрибуции, или *атрибутивной связи*: *une jeune femme ravissante* ‘очаровательная девушка’; *маладая і дзёрзкая дзяўчына*.

Другой способ приписывания признака предполагает рассмотрение признака как отдельного от носителя, внутренне ему не присущего [Манько, Овсейчик]. Для того чтобы такой признак мыслился как присущий носителю, нужно совершить мыслительную операцию приписывания признака, или *п р е д и ц и р о в а н и я* признака носителю: *La jeune femme était ravissante* ‘Девушка была очаровательна’; *Я таксама была маладая і дзёрзкая*.

Наиболее типичной формой выражения признака во французском и белорусском языках является имя прилагательное. Как показал морфологический анализ, признак оформляется прилагательным в 92 % простых предложений, входящих в корпус примеров. Имя прилагательное выполняет в предложении две основные синтаксические функции: функцию определения и функцию именной части составного сказуемого.

В лингвистической литературе отсутствует единый термин для обозначения именной части составного сказуемого. Одни лингвисты квалифицируют данный член предложения как предикатив (А. Г. Басманова, В. Г. Гак, Л. И. Илия, Ж. Марузо), другие называют его предикативным членом (А. М. Пешковский), третьи – предикативным (П. А. Лекант) или атрибутивно-предикативным определением (О. С. Ахманова). В терминологии французской грамматики именная часть составного сказуемого определяется как *adjectif attribut* ‘предикативное прилагательное’ (Г. Гозс, М. Гревисс, М. Рижель) и противопоставляется *épithète* ‘определению’. Однако в белорусской грамматике атрибут означает определение, а эпитет определяют как разновидность определения, отличающуюся от обычного своей экспрессивностью.

Несмотря на отсутствие единого и общепринятого термина для обозначения именной части составного сказуемого, все вышеприведенные термины имеют общую черту – противопоставление атрибутивной связи предикативной. Мы трактуем именную часть составного сказуемого как *п р е д и к а т и в* и противопоставляем его определению.

Сравним минимальные пары высказываний:

(1) *Un garçon gai est entré dans la salle* ‘В зал вошел веселый мальчик’;

(2) *На ганак выйшла босая Аксана.*

(3) *La voix de Louis était gaie* ‘Голос у Луи был веселый’;

(4) *Аксана была босая.*

В высказываниях (1) и (2) имена прилагательные *gai* ‘веселый’ и *босая* выполняют функцию определения: они соотносятся с именами существительными в позиции подлежащего посредством атрибутивной связи. Связь определения с именем факультативна: определение может быть опущено и смысл предложения «сократится ровно на смысл прилагательного» [Вольф, с. 26]:

(1a) *Un garçon est entré dans la salle* ‘В зал вошел мальчик’;

(2a) *На ганак выйшла Аксана.*

Очевидно, что исходные высказывания (1) и (2) и их трансформации (1a) и (2a) являются ответом на вопрос к подлежащему:

(1б) *Qui est entré dans la salle?* ‘Кто вошел в зал?’ – *Un garçon (gai) est entré dans la salle* ‘В зал вошел (веселый) мальчик’;

(2б) *Хто выйшаў на ганак?* – *На ганак выйшла (босая) Аксана.*

Сообщая в (1) и (2), кто является субъектом действия, говорящий дополнительно информирует адресата о зрительно воспринимаемом признаке субъекта действия, который коммуникативной целью высказывания не является (о чем свидетельствуют вышеприведенные трансформации).

В высказываниях (3) и (4) связь признаков и их носителей устанавливается в момент речи и создается «нарочитою волей говорящего» [Шахматов, с. 94]:

(3a) *Comment était la voix de Louis?* ‘Какой у Луи был голос?’ – *La voix de Louis était gaie* ‘Голос у Луи был веселый’;

(4a) *Якая была Аксана?* – *Аксана была босая.*

Во французском языке постпозиция прилагательного к связочному глаголу *être* ‘быть’ и ответ на вопрос *Comment?* ‘Какой? / Каким?’ являются отличительными особенностями предикатива, обозначающего постоянный или временный признак носителя [Илия 1962, с. 210; Riegel 1981, p. 24]. В высказывании (3) речь идет о временном признаке Луи – *веселом голосе*, который появился у него после удачного завершения трудного проекта. В высказывании (4) также сообщается о временном признаке носителя: Оксана вышла на порог *с босыми ногами*.

В белорусском языке предикатив может располагаться не только в постпозиции к связочному глаголу. В высказываниях (5) и (6) предикатив находится в постпозиции к подлежащему:

(5) *Вы дужа нецярлівы* [Федарэнка, с. 96];

(6) *Костка і Кот – удвая маладзейшыя за Рэвута* [Саламаха 2017, с. 365].

Обозначая признак носителя, связочный глагол *быць* не имеет формы настоящего времени: в предложении он либо не имеет фактической реали-

зации (5), либо заменяется тире (6). При изменении временного плана высказывания предикатив (как и во французском языке) занимает позицию после сказуемого:

(5а) *Вы былі дужа нецярылівы;*

(6а) *Костка і Кот былі удвая маладзейшыя за Рэвута.*

Несмотря на имплицитность связочного глагола в высказываниях (5, 6) предикатив (в отличие от определения) не может быть опущен ни во французском, ни в белорусском языках:

(3б) * *La voix de Louis était (Comment?)* ‘Голос у Луи был (какой?)’;

(4б) * *Аксана была* (якая?);

(5б) * *Вы* (які?);

(6б) * *Костка і Кот* (якія?).

Предикатив является обязательным компонентом составного сказуемого: его опущение разрушает семантико-синтаксическую структуру предложения. Сообщение о *веселом голосе Луи* и *босых ногах Оксаны* является коммуникативной целью исходных высказываний *La voix de Louis était gaie; Аксана была босая*. Определение же, выражая вневременной признак носителя, образует с ним единое целое, но не является коммуникативной целью высказывания: *Un garçon gai est entré dans la salle; На ганак выйшла босая Аксана*.

Противопоставление атрибутивной связи предикативной позволяет дифференцировать статический признак носителя и его динамический признак.

Статический признак соотносится с носителем посредством атрибутивной связи и является (как и сама атрибутивная связь) заранее данным, вневременным. Оформляясь определением, статический признак не является значимым для представления коммуникативной ситуации и не формирует содержание элементарной признаковой ситуации. Динамический признак предикативу соотносится с носителем в определенный момент времени, и их «живая» связь предопределяет значимость признака в конкретной коммуникативной ситуации. При этом оба признака могут быть присущи носителю постоянно (*Un garçon boiteux se promenait dans la cour* ‘Во дворе прогуливался хромой мальчик’; *Luc est boiteux* ‘Люк – хромой’) или иметь временный характер (*Каця была расчараваная; Расчараваная Каця прыбегла ў вёску*).

Дифференциация статического и динамического признаков обусловлена, таким образом, указанием на признак, соотносимый с носителем в данный момент времени (динамический, «живой», признак), или тот, соотношение которого с носителем установлено до момента речи (статический, заранее данный, признак) и не представляется значимым в конкретной ситуации действительности.

Вместе с тем жесткая граница между статическими и динамическими признаками носителя отсутствует: признак, в одном предложении выступающий предикативом (7, 9), в другом может оформляться определением (8, 10). Рассмотрим следующие пары высказываний:

(7) *Ліда была чорнавалосая, смуглявая* [Саламаха 2017, с. 409];

(8) *Чорнавалосыя, смуглявыя жанчыны доўга, з вэлюмам суму глядзяць, як знікаюць удалечыні кветкі* [Марчук, с. 203];

(9) *Sarah Briot n'est pas belle. Elle est mignonne. Ce n'est pas pareil* 'Сара Брийо – не красавица. Она миленькая. Это не одно и то же' [Gavalda 2001a, p. 118].

(10) *Cette fille mignonne et vive travaille dans l'édition* 'Эта миленькая, шустрая девушка работает в издательском деле' [Gavalda 2001c, p. 10].

Важным для анализа способа представления признака – определение или предикатив – представляется следующее утверждение Е. С. Кубряковой: «Выбирая ту или иную синтаксическую структуру, говорящий выбирает тем самым русло речи. В выборе этой конструкции он уже сделал содержательный шаг в расчленении описываемой ситуации, в установлении своего отношения к происходящему и его участникам, в определении их ролей и т. д. – он принял определенное решение относительно способа представления ситуации» [Кубрякова, с. 103].

В коммуникативной ситуации (7) повествователь сообщает, что во время войны немецкие солдаты часто принимали Лиду за еврейку: она была черноволосой и смуглой. Когда в деревню приходили немцы, девушке приходилось прятаться в погребе, чтобы ее по ошибке не отправили в концентрационный лагерь. В указанный период времени две эти характеристики Лиды представляются ситуативно значимыми и оформляются предикативами, поскольку формируют содержание элементарной признаковой ситуации. В коммуникативной ситуации (8) повествователь описывает старославянские верования: в день поминания усопших женщины бросали цветы в воду, поскольку верили в связь реки с миром мертвых. Внешний вид женщин во время совершения обряда значения не имеет. Признаки *чорнавалосыя* и *смуглявыя* осмысляются при этом как интегральная характеристика женщин и образуют с ними единое целое.

В коммуникативной ситуации (9) повествователь представляет Сару Брийо. По его мнению, красавицей девушку назвать нельзя: она миленькая, но не более того. Признак *миленькая* осмысляется повествователем как динамический признак Сары и оформляется предикативом, его опущение привело бы к разрушению семантико-синтаксической структуры простого предложения. А в (10) говорящий сообщает, что миленькая девушка, привлекающая внимание его друга, работает в издательском деле. Сообщение о признаках девушки (*миленькая* и *шустрая*) не является ситуативно значимой информацией: характеристика девушки содержится в предшествующих репликах персонажей рассказа. Следовательно, в (10) признак *миленькая* ситуативно значимой информацией не является и оформляется определением, опущение которого не приводит к искажению смысла высказывания: *Cette fille travaille dans l'édition* 'Эта девушка работает в издательском деле'.

Как показал анализ высказываний (7, 8, 9, 10) синтаксическая структура простого предложения обусловлена интенцией говорящего – его потреб-

ностью представить признак и его носителя как единое целое (статический признак, оформленный как определение) или подчеркнуть ситуативную значимость признака (динамический признак, оформленный предикативом). Вместе с тем динамический признак оформляется не только предикативом.

Во французском и белорусском языках предикатив присоединяется не только к связочным, но и к непереходным глаголам, которые совмещают семантически самостоятельное и окказионально связочное значения [Манько 2018, л. 31–32]. В функции окказионально связочных глаголов употребляются глаголы движения и перемещения в пространстве (*partir*, v. intr. ‘se mettre en mouvement pour quitter un lieu; s’éloigner’ ‘двинуться с места, чтобы покинуть какое-либо место; уйти’ [Le Petit Robert, p. 1817]; *вярнуцца* ‘прыйсці, прыехаць назад у тое месца, адкуль выйшаў, выехаў’ [ТСБМ, т. 1, с. 601]) и глаголы состояния (*naître* ‘venir au monde; sortir de l’organisme maternel’ ‘появиться на свет; появиться из организма матери’ [Le Petit Robert, p. 1669]; *намерці* ‘перастаць жыць’ [ТСБМ, т. 3, с. 650]).

В высказываниях (11) *Хлопец вярнуўся разгубленым* [Жук, с. 98]; (12) *Le soir, nous sommes rentrés épuisés à l’hôtel* ‘Вечером мы вернулись в гостиницу изнуренными’ [Schmitt 2010b, p. 243] предикативы выражены адъективированными причастиями – причастиями, в значении которых доминирует значение качества или свойства носителя: *разгублены* ‘які страціў рашучасць, знаходзіцца ў замяшканні; які ад хвалявання, збянтэжанасці не ведае, як быць’ [ТСБМ, т. 4, с. 593]; *épuisé* ‘à bout de forces, de résistance’ ‘без сил, на грани истощения’ [Le Petit Robert, p. 913]. Адъективированное причастие служит для выражения признака в 6 % предложений общей выборки.

В отличие от предикатива связочного глагола предикатив окказионально связочного глагола свободно опускается, не разрушая самодостаточности высказывания:

(11a) *Хлопец вярнуўся разгубленым.* → *Хлопец вярнуўся;*

(12a) *Le soir, nous sommes rentrés épuisés à l’hôtel* ‘Вечером мы вернулись в гостиницу изнуренными’. → *Le soir, nous sommes rentrés à l’hôtel* ‘Вечером мы вернулись в гостиницу’.

Возможность опущения предикатива и его сочетание с окказионально связочным глаголом позволяют противопоставить предикатив, являющийся обязательным компонентом синтаксической структуры простого предложения, и предикатив, не являющийся ее обязательным компонентом. Предикатив, присоединяемый к окказионально связочному глаголу, трактуем как **признаковый модификатор** [Манько 2018, л. 32–33]. Сочетаясь с признаковым модификатором, окказионально связочный глагол (дополнительно к выражению семантически самостоятельного действия) служит для соотношения динамического признака и его носителя. Тем самым признаковый модификатор изменяет синтаксический потенциал полнозначного непереходного глагола в позиции сказуемого, обогащая его функцио-

нальные возможности. Подлежащее предикативного ядра простого предложения с окказионально связочным глаголом также совмещает две функции: оно выступает субъектом действия и одновременно является носителем признака, выраженного предикативом подлежащего (рис. 5.1).

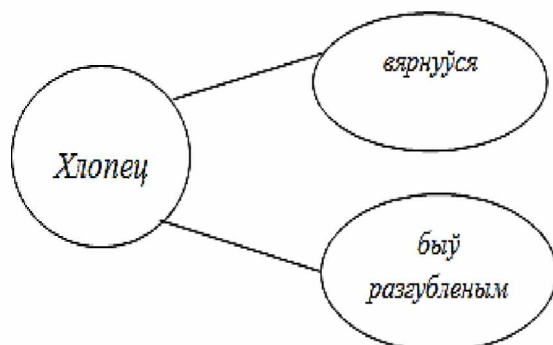

Рис. 5.1. Выражение субъектно-признаковых отношений в простом неосложненном предложении с непереходным окказионально связочным глаголом

Основное предикативное ядро простого предложения с непереходным окказионально связочным глаголом репрезентирует элементарную процессуальную ситуацию (*Хлопец вярнуўся; Вечером мы вернулись в гостиницу*), а признаковый модификатор – элементарную признаковую ситуацию (*Хлопец быў разгубленым; Мы были изнуренными*). Представление в простом неосложненном предложении двух элементарных ситуаций – процессуальной и признаковой – свидетельствует о полиситуативности простого предложения.

Процессуальная и признаковая элементарные ситуации функционируют как составные части осложненной процессуально-признаковой ситуации. Самостоятельно ни процессуальная, ни признаковая элементарные ситуации не дают адекватного представления об осложненной ситуации, представленной простым полиситуативным предложением. В простом полиситуативном предложении с признаковым модификатором сообщается не о совершении субъектом действия и не о наличии у него динамического признака, а о реализации динамического признака в момент действия:

(11б) *Хлопец вярнуўся разгубленым.* = *Калі хлопец вярнуўся, ён быў разгубленым;*

(12б) *Le soir, nous sommes rentrés épuisés à l'hôtel* ‘Вечером мы вернулись в гостиницу изнуренными’. = *Le soir, au moment où nous sommes rentrés à l'hôtel, nous étions épuisés* ‘Вечером, когда мы вернулись в гостиницу, мы были изнуренными’.

Трансформации простого неосложненного предложения в сложное (11б, 12б) используются исключительно с целью проследить установление временных отношений между совершением субъектом физического действия и наличием (возникновением) у него динамического признака.

Роль признакового модификатора в формировании простого полиситуативного предложения представлена на рис. 5.2.

Рис. 5.2. Признаковый модификатор в простом неосложненном предложении

Традиционно простое высказывание, представляя одну элементарную признаковую ситуацию, противопоставляется сложному высказыванию, репрезентирующему две (или более) элементарные ситуации (процессуальные и/или признаковые), связанные между собой различными типами логических отношений (противительными, сочинительными, временными и т.д.). Наличие же в простом неосложненном предложении признакового модификатора преобразует его в простое полиситуативное предложение, которое занимает особое положение между простыми и сложными предложениями: оно имеет одно предикативное ядро, но соотносит носителя с двумя признаками, процессуальным и квалификативным. Репрезентация в простом неосложненном предложении двух элементарных ситуаций свидетельствует о том, что полиситуативность не является отличительной особенностью сложного предложения, а предикативное отношение между подлежащим и сказуемым – основная и наиболее распространенная форма выражения предикативности – не является единственной.

Связь процессуального признака и носителя формирует содержание элементарной процессуальной ситуации, которая представлена предикативным отношением между подлежащим и сказуемым, создающим «структурный костяк» высказывания. Связь квалификативного признака и носителя порождает элементарную признаковую ситуацию, выраженную вторично-предикативным отношением между неглавными членами предложения (подлежащее и признаковый модификатор). Вторичнопредикативная конструкция не имеет собственных категорий предикативности и интонационной завершенности, она является составной частью высказывания и не может быть понята без обращения к содержанию целого высказывания.

Зависимый характер вторичнопредикативного отношения от основной предикативности становится для советских и российских исследователей основанием для выделения основной и вторичной предикации (В. Н. Ерхов, О. И. Москальская, Н. М. Сазонова, А. Ю. Фомина). Последнюю определяют также как второстепенную (В. Грабье, Г. А. Золотова), или дополнительную (секундарную) (Н. Г. Вакулко, Е. М. Гоголева, П. А. Лекант, А. Ф. Прияткина). Таким образом, неавтономный характер вторичнопредикативного отношения позволяет советским и российским исследователям квалифицировать само соотношение квалификативного признака и носителя как побочное к соотношению процессуального признака и того же носителя.

Для экспликации соотношения квалификативного признака и носителя, которое устанавливается дополнительно к соотношению процессуального признака и того же носителя, мы используем термин, принятый в романистике – вторая предикация (*la prédication seconde*): «*La prédication seconde, c'est celle qui est réalisée par un type de séquence qui, malgré son statut syntaxiquement intégré, exprime sémantiquement un contenu phrastique à l'intérieur même de la phrase*» 'Вторая предикация – это предикация, реализуемая посредством некоторой конструкции, которая, несмотря на включенность в общую синтаксическую структуру простого предложения, имеет собственное фразовое содержание' [Cadiot, Furukawa, p. 3]. Репрезентация в простом неосложненном предложении нескольких элементарных ситуаций не означает, однако, самостоятельность вторичнопредикативного отношения, которое «заимствует» категории предикативности у сказуемого предикативного ядра. Так, в трансформации (12б) сказуемое предикативного ядра представлено формой первого лица прошедшего законченного времени изъявительного наклонения: *Le soir, au moment où nous sommes rentrés à l'hôtel, nous étions épuisés.*

В 2 % предложений выборки признак носителя выражен предложной группой (словосочетание с предлогом):

(13) *Кот, невысокі, лысы, з маленькіми вострыми вачами, рантам часта заміргає* [Саламаха 2017, с. 389];

(14) *Un gendarme au visage incolore lui annonça l'arrivée des secouristes* 'Жандарм с бесцветным лицом сообщил ей о прибытии спасателей' [Schmitt 2010a, p. 103];

(15) *Au dîner, tout le monde est de bonne humeur* 'За ужином все пребывают в хорошем настроении' [Gavalda 2001b, p. 89].

В высказываниях (13) и (14) реализуются статические признаки, выраженные определением, а в (15) – динамический признак, представленный предикативом. Выражая статический или динамический признак носителя, предложная группа используется, как правило, в случае отсутствия имени прилагательного или адъективированного причастия с тем же семантическим значением: *мужчина з маленькіми вострыми вачами; un gendarme au visage incolore* 'жандарм с бесцветным лицом'. Вместе с тем встречаются и предложные группы, синонимичные прилагательным:

(15a) *Au dîner, tout le monde est de bonne humeur* ‘За ужином все пребывают в хорошем настроении’ = *Au dîner, tout le monde est jovial* ‘За ужином все веселы’.

В трансформации (15a) оба признака характеризуют носителя, пребывающего в хорошем расположении духа, веселого, жизнерадостного: *de bonne humeur* ‘disposition passagère à la gaieté, à l’optimisme qui se manifeste dans l’air, le ton, les manières’ ‘временное проявление радости, оптимизма во внешнем виде человека, его голосе, манере поведения’ [Le Petit Robert, p. 1257]; *jovial* ‘qui est plein de gaieté, franche, simple et communicative’ ‘который полон веселости, искренней, естественной и заражительной’ [Там же, p. 1398]. В высказывании (15) выбор предложной группы обусловлен, на наш взгляд, намерением говорящего передать нюансы эмоционального состояния субъектов: за ужином все члены семьи пребывали в радостном настроении, что проявлялось в их манере поведения, голосе и внешнем виде.

Итак, в простом неосложненном предложении современного французского и белорусского языков постоянный или временный признак одушевленного носителя может быть выражен именем прилагательным (92 % выборки), адъективированным причастием (6 %) или предложной группой (2 %). В синтаксической структуре простого неосложненного предложения признак представлен определением (необязательный компонент синтаксической структуры простого предложения), предикативом (обязательный компонент синтаксической структуры простого предложения) и признаковым модификатором (необязательный компонент синтаксической структуры простого предложения, но значимый компонент его семантической структуры). Критерии разграничения предикатива и признакового модификатора систематизированы в табл. 5.1.

Т а б л и ц а 5.1

Отличительные особенности предикатива и признакового модификатора

Критерий	Предикатив	Признаковый модификатор
Пример	→ <i>Tout le monde est jovial</i> ; → <i>Ліда была чорнавалосая.</i>	→ <i>Nous sommes rentrés épuisés</i> ; → <i>Хлопец вярнуўся разгубленым.</i>
Постпозиция к глаголу	→ <i>Tout le monde <u>est</u> jovial</i> ; → <i>Ліда <u>была</u> чорнавалосая.</i>	<i>Nous sommes rentrés <u>épuisés</u></i> ; <i>Хлопец <u>вярнуўся</u> разгубленым.</i>
Опущение заглагольного члена	→ <i>Tout le monde est</i>; → <i>Ліда была.</i>	→ <i>Nous sommes rentrés</i> ; → <i>Хлопец вярнуўся.</i>
Обособление заглагольного члена	→ <i>Jovial, tout le monde est</i>; → <i>Чорнавалосая, Ліда была.</i>	→ <i>Épuisés, nous sommes rentrés</i> ; → <i>Разгублены, хлопец вярнуўся.</i>

Как следует из табл. 5.1, признаковый модификатор, в отличие от предикатива, формирующего с глаголом-связкой нерасчлененную конструкцию, свободно опускается и обособляется, не разрушая структурную целостность высказывания. При этом мы рассматриваем возможность обособления предикатива исключительно как возможную модификацию исходного высказывания, позволяющую разграничить предикатив и признаковый модификатор. Мы не отрицаем, что обособленный член выполняет функцию обособленного обстоятельственного определения.

Выбор способа представления признака носителя свидетельствует о значимости данного признака для коммуникативной ситуации. Признак, оформленный определением, образует с носителем единое целое и реализуется как статический, вневременной признак носителя. Признак, представленный предикативом или признаковым модификатором, осмысливается как динамический, а его соотношение с носителем устанавливается говорящим в момент речи. При этом оформленный предикативом динамический признак реализуется самостоятельно. А появление динамического признака, представленного признаковым модификатором, сопряжено с совершением субъектом-носителем признака физического действия. Другими словами, представленный признаковым модификатором признак приобретает ситуативную значимость именно в момент действия.

Установив особенности морфосинтаксического выражения признака носителя в простом предложении, считаем целесообразным классифицировать признаки с точки зрения характеристики носителя. Поскольку в одной коммуникативной ситуации признак носителя реализуется как статический, а в другой – как динамический, на данном этапе мы анализируем все признаки: оформленные определением, предикативом и признаковым модификатором.

Следует отметить, что в преимущественном большинстве предложений выборки признак одушевленного носителя представлен определением (46 %) и предикативом (49 %). Простые полиситуативные предложения с признаковым модификатором являются малоупотребительными в текстах повестей и рассказов на французском и белорусском языках (5 %): как мы уже говорили ранее, простое полиситуативное предложение является проявлением асимметрии языкового знака и «интеллектуального» использования единицы языка в речи говорящего. Вместе с тем именно нестандартное использование единиц языка представляет исследовательский интерес, поскольку синтаксическая структура простого предложения служит для передачи интенции говорящего – представить признак носителя, значимый в момент совершения физического действия.

Проведенный семантический анализ показал, что во французском и белорусском языках реализуются восемь признаков носителя. Активность признаков систематизирована в табл. 5.2.

Таблица 5.2

Реализация признаков носителя в простом неосложненном предложении современного французского и белорусского языков

Динамический признак носителя	Простое предложение				Всего	
	французский язык		белорусский язык			
	%	ед.	%	ед.	%	ед.
1. Внешний вид	64,2	162	46,58	68	57,79	230
2. Физическое состояние	10,3	26	16,44	24	12,56	50
3. Эмоциональное состояние	10,3	26	10,96	16	10,55	42
4. Отношение к окружающим	6,0	15	12,33	18	8,29	33
5. Психологические особенности личности	6,0	15	11,64	17	8,04	32
6. Интеллектуальные способности	1,6	4	1,37	2	1,51	6
7. Количество носителей	1,2	3	0,68	1	1,01	4
8. Посессивные возможности	0,4	1	–	–	0,25	1
Всего	100	252	100	146	100	398

Как следует из табл. 5.2, во французском и белорусском языках содержание элементарной признаковой ситуации формируют восемь признаков, ранжированных по степени частотности: внешний вид носителя (цвет, размер или форма части тела, рост, телосложение, прическа, детали одежды), физическое состояние носителя (возраст, состояние здоровья, особенности физического развития), эмоциональное состояние носителя (чувства от ярости до радости), отношение носителя признака к окружающим (дружелюбие, настороженность, злость), психологические особенности личности носителя (черты характера, привычки, склонности), интеллектуальные способности носителя (ум, талант, мышление), количество носителей признака (один или несколько), посессивные возможности (нахождение в распоряжении субъекта некоторого объекта).

Признак, обозначающий внешний вид носителя, создает преимущественное большинство элементарных признаковых ситуаций, представленных простыми предложениями французского и белорусского языков (57,79 % общей выборки). Данный факт представляется вполне естественным и логичным: в художественном тексте роль портретного описания персонажа трудно переоценить. Особенно значимым описание является для рассказа и повести – художественных произведений небольшого объема:

(16) *Je découvris son visage net, ses yeux clairs, ses cheveux bouclés, longs, dorés, ses lèvres pleines, son cou moelleux aux attaches puissantes. Un de ses pieds dépassant du plaid, je remarquai que sa jambe était lisse, fuselée, dépourvue de poils, comme un marbre antique* ‘Я отметила его чистое лицо, светлые глаза,

вьющиеся, длинные, золотистые волосы, пухлые губы, мягкую и одновременно мускулистую шею. Одна его нога торчала из-под пледа, и я увидела, что она была гладкая, точеная, лишённая волос, как у античной мраморной статуи' [Schmitt 2010d, p. 40].

(17) *Аксана падышла да вузкага, доўгага люстра. Уважліва, прыдзірліва пачала аглядаць сябе з ног да галавы. Агляд не падбавіў настрою. Самае крыўднае, што знізу, да твару – усё выдатна: роўныя, моцныя, з драпінамі на каленях ногі, белыя з зялёнымі паскамі красоўкі, зялёныя шкарпэткаі, зялёныя шорты да каленяў, зялёная майка. А вось вышэй... Кіраты нос, акруглыя вясковыя шчокі, саламянага колеру валасы... Нічога ад бацькі, уся ў маці і ў бабулю! Не, хіба вочы, сінія, жывыя, з кашачымі рыскамі-зрэнкамі, – бацькавыя* [Федарэнка, с. 7–8];

Демонстрация физического (12,56 % выборки) и эмоционального (10,55 %) состояния носителя также служит для создания у читателя целостного представления о персонаже художественного произведения. Вместе с тем сообщение о таких признаках сопряжено с другой интенцией говорящего:

(18) – *Сядзі ціха, – прасінеў ёй у твар Павук, хапаючы яе за плечы. Рукі ў яго нечакана аказаліся моцнымі, бы ланцугі.*

Аксана, вырываючыся, хацела закрываць, але моцная, учэпістая далонь заціснула ёй рот [Там же, с. 189];

(19) *Змоўклі, выгаварыліся. Ляснік яшчэ больш расчырванеўся. Ён быў вельмі ўзбуджаны* [Саламаха 2017, с. 383];

(20) *Fanny avait l'air vraiment sonné* 'Вид у Фанни был по-настоящему оглоушенный' [Gavalda 2001a, p. 134].

В коммуникативной ситуации (18) повествователь поясняет, почему Оксана не звала на помощь, когда ее силой посадили в машину: руки у Паука были сильными, и она не смогла вырваться. Другими словами, в (18) реализуется экспликативная интенция говорящего. Портретное описание Паука при данных условиях отходит на второй план.

В коммуникативных ситуациях (19) и (20) возникновение динамических признаков, обозначающих эмоциональное состояние носителей, обусловлено особыми ситуативными обстоятельствами. В (19) старые друзья поссорились, лесник предложил помириться и все забыть, но ответом на его предложение стали новые упреки. От проявленного к нему неуважения лесник пришел в возбужденное состояние и сильно покраснел. В (20) брат сообщает сестре, что съезжает с квартиры, которую они снимают. Сестра, не зная причин такого решения брата, приходит в недоумение. Привлечение внимания читателя к такому необычному (неестественному) признаку Фанни – *оглоушенная* – должно заинтересовать читателя и заставить его осознать, насколько решение брата было для нее неожиданным. При этом в (19) и (20) также реализуется экспликативная интенция – потребность говорящего пояснить нестандартное, вызывающее недоумение, положение дел.

Представленное в текстах повестей и рассказов эмоциональное состояние носителя является преимущественно отрицательным (68 % общей выборки): *sonné*, *fam.* ‘*assommé, étourdi par un coup*’ ‘оглоушенный, получивший сильный удар’ [Le Petit Robert, p. 2397]; *affolé* ‘*rendu comme fou sous l’effet d’une émotion violente (peur, sentiment d’être débordé; dépassé)*’ ‘который словно потерял рассудок из-за сильного эмоционального переживания’ [Там же, p. 45]; *contrarié* ‘*ennuyé ou fâché*’ ‘раздосадованный, сердитый’ [Там же, p. 529]; *узбуджаны* ‘які знаходзіцца ў прыўзнята-нервовым стане; усхваляваны, узрушаны’ [ТСБМ, т. 5, с. 630]; *занепакоены* ‘устрывожаны, неспакойны’ [Там же, т. 2, с. 354]; *расчараваны* ‘які знаходзіцца ў стане расчаравання, які страціў веру’ [Там же, т. 4, с. 696] и т.п.

Вместе с тем встречаются и признаки, обозначающие положительные эмоции: *content* ‘*qui éprouve un plaisir (motivé par une raison précise)*’ ‘который испытывает удовлетворение (вызванное некоторым положением дел)’ [Le Petit Robert, p. 524]; *gai* ‘*qui a de la gaieté*’ ‘который испытывает веселость’ [Там же, p. 1112]; *задаволены* ‘поўны пачуцця задавальнення, зада-воленасці’ [ТСБМ, т. 2, с. 306]:

(21) *Stéphanie était contente* ‘Стефания была довольна’ (A. Gavalda. *Épilogue*, p. 165).

(22) *Чэсь прыбег з лесу ў вёску задаволены* [Федарэнка, с. 191].

Ситуативная значимость признака, обозначающего положительное или отрицательное эмоциональное состояние носителя, обусловлена предшествующим положением дел, которое и предопределяет появление данного признака у носителя. Так, в коммуникативной ситуации (21) Стефания была довольна потому, что ее пациент пошел на поправку. А в (22) Чесь прибежал в деревню удовлетворенный своей находкой в лесу. Ввиду ситуативной обусловленности появления у носителя динамического признака, обозначающего эмоциональное состояние носителя, такой признак оформляется предикативом (18–21) или признаковым модификатором (22).

В текстах французских и белорусских повестей и рассказов признак обозначает также отношение носителя признака к окружающим (8,29 %), психологические особенности его личности (8,04 %) и интеллектуальные способности (1,51 %):

(23) *Léa n’estimait sa fille ni jolie ni intelligente* ‘Лея не считала свою дочь ни красивой, ни умной’ [Schmitt 2010c, p. 143];

(24) *Людзі сустракаюцца розныя: і злыя, і нядобрыя, і зайздросныя* [Марчук, с. 202].

В высказываниях (23) и (24) используются несколько признаков носителя, выражающие разные его характеристики. Так, в (23) повествователь информирует читателя о признаках, обозначающих внешний вид дочери Леи (*joli* ‘*dont la vue procure du plaisir, de l’agrément; qui séduit par sa grâce, son charme*’ ‘внешний вид которого вызывает удовольствие, одобрение; который нравится своей изящностью, шармом’ [Le Petit Robert, p. 1393]) и его интел-

лектуальные способности (*intelligent* ‘qui est, à un degré variable, doué d’intelligence; qui comprend vite et bien, s’adapte facilement aux situations’ ‘который проявляет рассудительность, понимает быстро и правильно, легко адаптируется к разным ситуациям’ [Le Petit Robert, p. 1350].

В анализируемой коммуникативной ситуации имеет место стереотипное противопоставление двух признаков девушки: чтобы добиться успеха, девушка должна быть или красивой, или умной, а Стефания, по мнению матери, не была ни красивой, ни умной, поэтому она не могла ни удачно выйти замуж, ни найти высокооплачиваемую работу. Иными словами, в (23) ситуативно значимым оказывается отсутствие у Стефании динамических признаков. В ситуации рассказа знание об отсутствии у нее в глазах матери значимых для женщины признаков обуславливает дальнейшее развитие событий: Стефания считает себя некрасивой, не следит за модой и отвергает ухаживания мужчин.

В коммуникативной ситуации (24) говорящий сообщает о признаках, обозначающих взаимоотношения их носителей с окружающими (*злы* ‘поўны пачуцця злосці, варожасці, нядобразычлівасці; злосны’ [ТСБМ, т. 2, с. 483]; *нядобры* ‘які непрыязна, варожа адносіцца да ўсіх; злосны’ [Там же, т. 3, с. 427]) и психологические особенности личности (*зайздросны* ‘схільны да зайздрасці; з пачуццём зайздрасці’ [Там же, т. 2, с. 317]). Знание о возможном наличии у людей данных отрицательных динамических признаков определяют в ситуации рассказа настроенное отношение молодого человека к окружающим.

Следует отметить, что в зависимости от соотношения признака с самим носителем или частью его тела имеет место разная направленность характеристики:

(25) *Чэсь быў сярдзіты сёння* [Федарэнка, с. 86];

(26) *Твар у дзеда Макара быў зусім не сярдзіты* [Там же, с. 145].

В высказываниях (25) и (26) используется одно и то же имя прилагательное – *сярдзіты*. Однако в (25) оно используется в значении ‘які сярдуе, злуецца на каго-, што-н., перажывае гнеў’ [ТСБМ, т. 5, с. 450], а в (26) – в значении ‘які мае гнеўны, злы выраз’ [Там же]. Иными словами, в высказывании (25) признак *сярдзіты* обозначает эмоциональное состояние носителя, а в (26) служит для описания его внешнего вида.

Как показал проведенный семантический анализ, имя прилагательное *сярдзіты* и нижеприведенные прилагательные изменяют свое значение в зависимости от характеристики носителя или части его тела:

- *gai* ‘qui marque de la gaieté’ ‘который выражает веселость’ (внешний вид) / ‘qui a de la gaieté’ ‘который испытывает веселость’ (эмоциональное состояние);

- *triste* ‘qui est grave, austère, qui n’est jamais porté à rire’ ‘суровый, строгий, который не склонен смеяться’ (внешний вид) / ‘qui éprouve du chagrin’ ‘который испытывает горечь’ (эмоциональное состояние);

- *грозны* ‘які выражае пагрозу’ (внешний вид) / ‘суровы, жорсткі ў абыходжанні з другімі’ (отношение к окружающим);

- *пануры* ‘які выражае хмурнасць, суровасць; з апушчанай галавой, панылы’ (внешний вид) / ‘непрыветлівы, хмурны, суровы’ (психологические особенности личности);

- *сярдзіты* ‘які мае гнеўны, злы выраз’ (внешний вид) / ‘які сярдуе, злуецца на каго-, што-н., перажывае гнеў’ (эмоциональное состояние).

Изменение значения имени прилагательного, выражающего в простом неосложненном предложении признак одушевленного носителя как его внешний вид или внутреннее состояние, позволяет подтвердить «интеллектуальный» способ использования единиц языка в речи говорящего.

Во французском и белорусском языках в простом предложении с признаковым модификатором содержание элементарной признаковой ситуации, которая накладывается на элементарную процессуальную, формирует прилагательное *seul/adzin* (1,01 % общей выборки):

(27) *Les mois ont passé. Myriam venait de plus en plus souvent et presque toujours seule* ‘Шли месяцы. Мириям приходила все чаще и почти всегда одна’ [Gavalda 2001a, p. 124];

(28) *Міхал спачатку не зусім ахвотна, а потым захапіўшыся, расказаў усё на парадку. Чэсь перабіваў, дапаўняў. Урэшце Міхал накрыдзіўся. Чэсь пачаў гаварыць адзін* [Федарэнка, с. 162].

В обоих языках данное имя прилагательное используется в значении ‘который оказывается без компании, отделенный от себе подобных’ [Le Petit Robert, p. 2363; ТСБМ, т. 1, с. 135] и обозначает количество субъектов, совершающих действие: *Мириям приходила одна* (без молодого человека, хотя раньше они всегда приходили вдвоем); *Михаил замолчал и Чеслав говорил один* (без Михаила).

Согласование имени прилагательного с подлежащим (*Myriam – seule*) и возможность следующих трансформаций свидетельствуют о том, что в исходных высказываниях признак *один (одна)* соотносится с субъектом:

(27a) *Myriam venait de plus en plus souvent et presque toujours elle était seule* ‘Мириям приходила все чаще и почти всегда она была одна’;

(28a) *Чэсь пачаў гаварыць. Ён быў адзін.*

Формально анализируемые высказывания репрезентируют одну элементарную процессуальную ситуацию (*Мириям приходила одна; Чэсь пачаў гаварыць адзін*). Однако выражение одного субъекта действия подлежащим, а другого – признаковым модификатором свидетельствует, с одной стороны, о роли количества субъектов в представлении коммуникативной ситуации, с другой – о целенаправленности речетворчества говорящего, оформляющего элементарную признаковую ситуацию признаковым модификатором *seul/adzin*, а не предложной конструкцией (*sans son copain* ‘без молодого человека’; *без Міхала*). Основанием говорить о формировании в (27, 28) элементарной признаковой ситуации как компонента осложненной является, таким образом, наличие признакового модификатора.

В одном высказывании французского языка (0,25 % выборки) содержание элементарной признаковой ситуации формирует оформленное предложением имя прилагательное *libre* ‘qui n’est pas utilisé, occupé, réservé à un usage particulier’ ‘ничем не занятый’:

(29) *Quand elle a un moment de libre, au lieu de prendre un livre, Gerda brode, triture un crochet, tourmente la laine, ce genre de choses* ‘Когда ей выдается свободная минутка, вместо того, чтобы взять книгу, Герда вышивает, вяжет крючком, прядет или занимается чем-то подобным’ [Schmitt 2010d, p. 34].

Высказывания, построенные по модели «Подлежащее – Сказуемое *avoir* – Прямое дополнение – Предлог *de* – Предикатив», употребляются во французском языке в том случае, если предикатив обозначает временный признак и соотносится с ограниченным количеством объектов, входящих в личную сферу субъекта, – *одна свободная минута* [Манько 2018, л. 49–51]. При этом с грамматической точки зрения наличие предлога *de* является необязательным для сочетания прямого дополнения *un moment* ‘одна минута’ с предикативом *libre* ‘свободная’, но соответствует особой интенции говорящего: выделить ситуативно значимый признак.

В коммуникативной ситуации (29) речь идет о Герде, которая помогает своей одинокой тетушке по хозяйству. Герда готовит, убирает дом, ходит за покупками, поэтому вполне естественно, что у нее практически нет свободного времени. Когда ей все-таки выдается свободная минутка, Герда предпочитает заниматься рукоделием. Можно говорить о выполнении предлогом *de* контрастной функции: одна свободная минута противопоставляется всему тому времени, когда Герда занята.

Привлечение внимания к динамическому признаку ограниченного количества объектов, входящих в личную сферу субъекта, логично требует наличия у него данных объектов. Таким образом, предикативное ядро простых предложений, построенных по модели «Подлежащее – Сказуемое *avoir* – Прямое дополнение – Предлог *de* – Предикатив», не составляет содержание отдельной элементарной ситуации. Предложения с предикативом, оформленным предлогом *de*, являются моноситуативными, поскольку репрезентируют одну элементарную признаковую ситуацию (наличие свободного времени).

Как и высказывания с признаковым модификатором *seul/adzін*, высказывания, построенные по модели «Подлежащее – Сказуемое *avoir* – Прямое дополнение – Предлог *de* – Предикатив», свидетельствуют о гибкости языковой системы: использование периферийных синтаксических структур позволяет выразить максимальный объем информации минимальными языковыми средствами.

* * *

Проведенный анализ морфосинтаксического выражения квалификативного признака одушевленного носителя и его семантической природы позволяет сделать ряд выводов о закономерностях репрезентации признака в простом неосложненном предложении французского и белорусского языков.

В простом неосложненном предложении признак одушевленного носителя выражен именем прилагательным, адъективированным причастием или предложной группой. Активное употребление имени прилагательного свидетельствует о его богатом семантическом содержании: прилагательное указывает на эмоциональное или физическое состояние носителя, внешний вид, отношение к окружающим, психологические особенности личности, его интеллектуальные способности, а также количество носителей признака и его посессивные возможности. Адъективированное причастие обозначает преимущественно эмоциональное состояние носителя, возникшее в результате особых ситуативных обстоятельств, чаще негативных. Предложная группа используется для выражения признака, обозначающего внешний вид носителя или его эмоциональное состояние, в случае отсутствия имени прилагательного или адъективированного причастия.

Признаки одушевленного носителя реализуются в простом неосложненном предложении как статические (вневременные) и динамические (значимые в определенный момент времени). Динамический признак оформляется предикативом (обязательный компонент простого предложения) или признаковым модификатором (необязательный компонент простого предложения), в то время как статический – заранее данный – признак оформляется определением. При этом выбор способа оформления признака обусловлен интенцией говорящего – его потребностью представить признак и его носителя как единое целое (определение) или подчеркнуть ситуативную значимость признака (предикатив/признаковый модификатор).

Содержание элементарной признаковой ситуации формируется во французских и белорусских повестях и рассказах 8 динамическими признаками: внешний вид, физическое состояние, эмоциональное состояние, отношение носителя признака к окружающим, психологические особенности его личности, интеллектуальные способности, количество носителей признака, а также посессивные возможности. При этом один и тот же признак, в зависимости от характеристики самого носителя или его части тела, может обозначать внешний вид носителя или его эмоциональное состояние, психологические особенности личности, а также отношение к окружающим.

Универсальный характер восьми выявленных признаков не исключает их национальной специфики: выявленные признаки более частотны для французского, нежели для белорусского языка. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что франкоязычные повести и рассказы имеют более выраженный описательный (признаковый) характер, в то время как для белорусскоязычных повестей и рассказов свойственно сообщение о действиях персонажей.

Простое предложение, репрезентирующее самостоятельную элементарную признаковую ситуацию (динамический признак представлен предикативом) или элементарную признаковую ситуацию в составе осложненной процессуально-признаковой ситуации (динамический признак представлен признаковым модификатором) выполняет информативную функцию: гово-

рящий субъект сообщает адресату о наличии у носителя ситуативно значимого признака. Вместе с тем сообщение о динамическом признаке носителя служит когезии и когеренции художественного произведения: появление динамического признака, обусловленное особыми ситуативными обстоятельствами, предопределяет дальнейшее развитие событий. При этом высказывание нередко реализует экспликативную интенцию говорящего.

Репрезентация в простом неосложненном предложении двух элементарных ситуаций является показателем асимметрии языкового знака, план содержания которого не соответствует плану его выражения. Порождение асимметричных предложений является следствием «интеллектуального» способа использования языка в речи говорящего: потребность реализовать свою интенцию побуждает говорящего к переосмыслению формы языкового знака, наполнению ее новым содержанием, а также к поиску новых способов оформления одной и той же мысли.

Проведенный анализ способов представления признака в простом неосложненном предложении на материале двух не родственных языков позволил подтвердить зависимость синтаксической структуры простого предложения от интенции говорящего. Говорящий – творец речевой деятельности – руководствуясь стремлением привлечь внимание адресата к значимому в определенный момент времени признаку носителя, сознательно нарушает равновесие между грамматической структурой простого предложения и семантическим объемом его содержания. Нестандартное синтаксическое оформление простого неосложненного предложения свидетельствует, с одной стороны, об «интеллектуальном» использовании языка в речи, с другой – об особом прагматическом потенциале простого предложения.